

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.С. Смирнов

**Важность изучения
внутренней жизни раскола:**
речь на магистерском коллоквиуме 20-го декабря
перед защитой диссертации «Внутренние
вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898 год

Опубликовано:

Христианское чтение. 1889. № 1. С. 155-165.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Важность изученія внутренней жизни раскола.

(Рѣчь на магистерскомъ коллоквиумѣ 20-го декабря предъ защитою диссертациі: „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ“. Спб. 1898).

Ваше Преосвященство
и Милостивые Государи!

НАУЧНОЙ разработкой исторіи раскола стали заниматься сравнительно недавно. И это — не въ силу только общихъ причинъ запоздалости отечественной исторической литературы. Было, на примѣръ, время, когда думали, что старообрядческимъ расколомъ можно заниматься «только курьеза ради». Было, затѣмъ, и такое время, что печатаніе раскольническихъ сочиненій считалось вреднымъ съ точки зрѣнія борьбы съ расколомъ. Но чѣмъ долѣе держалось убѣжденіе старое, тѣмъ свѣжѣе вѣяніе новое. Важно въ данномъ случаѣ особенно то, что навстрѣчу разработкѣ исторіи раскола нынѣ идутъ *коллективные* силы. Правительственныя и частныя книгохранилища уже владѣютъ богатѣйшими собраніями рукописей раскольническаго происхожденія. Наши архивы открыли свои двери для изученія официальныхъ документовъ, касающихся исторіи раскола. На поприщѣ издательской дѣятельности съ успѣхомъ работаютъ и ученые общества, и миссіонерскія братства. Мало этого: хоть и въ интересахъ правительственныхъ, но съ неменьшею пользою и для науки, на этомъ поприщѣ заявило себя даже министерство внутреннихъ дѣлъ. Но обратите вниманіе и на другую часть картины. Еще не такъ давно исторія раскола давала темы для ученыхъ диссертацийъ только въ духовныхъ академіяхъ: нынѣ

этотъ предметъ обсуждается уже и на университетскихъ диспутахъ. Больше того: спеціальныя журналы, посвященныя вопросамъ философіи и психологіи, повидимому ничего не имѣющимъ общаго съ двумя перстами и сугубой аллилуйей, нынѣ также занимаются уясненіемъ историческихъ моментовъ все того же русскаго раскола. Остается пожелать, чтобы и наше общество пріобрѣло, наконецъ, въ этомъ направленіи надлежащія, такъ сказать, вкусъ и чутье. Да это, кажется, уже и есть отчасти. По крайней мѣрѣ — фактъ, что лучшія книги по исторіи раскола въ самый короткій срокъ выдерживаютъ по нѣскольку изданій.

Причину такого, все болѣе и болѣе возрастающаго интереса къ пріобрѣтенію свѣдѣній о расколѣ, добытыхъ наукою, слѣдуетъ видѣть, безспорно, въ томъ, что расколъ и доселѣ не отжилъ своего вѣка, что онъ представляетъ собою явленіе живое, имѣющее современное значеніе. Въ одномъ Высочайше утвержденномъ актѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ вполне вѣрно было указано, что «подробная исторія раскола есть трудъ въ высшей степени важный и необходимый, какъ въ правительственномъ, такъ и въ ученномъ отношеніи»¹⁾. Будучи исполнено глубокаго научнаго интереса, историческое изслѣдованіе раскола вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ большое значеніе и по практическимъ послѣдствіямъ. Правительство, какъ церковное, такъ и гражданское, нуждается въ указаніяхъ историческаго опыта, чтобы выработать наиболѣе цѣлесообразныя мѣропріятія противъ раскола, и вообще въ научныхъ разъясненіяхъ, чтобы все дѣло о расколѣ поставить на подобающую ему высоту. Общество, точно также, сталкивается съ этимъ явленіемъ въ жизни, и потому неудивительно, если и оно съ большимъ нетерпѣніемъ стремится приподнять таинственную завѣсу сѣдой старины. Вѣдь это — великая историческая драма, уже третье столѣтіе потрясающая душу всѣхъ истинно-русскихъ людей. Современныя, живыя картины этой драмы невольно заставляютъ обратиться къ ея прошлому и взглянуть на самое ея начало: какимъ образомъ произошло это печальное раздѣленіе единаго русскаго народа и почему расколъ такъ упорно, съ такимъ иногда безграничнымъ самопожертвованіемъ держался своихъ вѣрованій въ теченіе болѣе двухъ столѣтій? Наконецъ, любознательность ученыхъ не ограничивается и этимъ. Вѣдь это событіе — расколъ, какъ про-

¹⁾ Собр. пост. по ч. раск. 1858, стр. 684.

должающееся доныпѣ стремленіе сохранить извѣстную «старину», всею своею исторією должно переносить насъ въ XVII вѣкъ и знакомить съ религіозными чаяніями, съ житейскими понятіями, нравами, книжнымъ знаніемъ и литературой того еремени. А съ другой стороны, чѣмъ объясняется то явленіе, что расколъ, какъ ни стремится сохранить эту «старину», какъ ни долженъ бы, по идеѣ, стоять на одной точкѣ, безъ движенія и поворота, представляя изъ себя одинъ монолитъ, одну цѣлостную и безраздѣльную единицу, — всетаки на дѣлѣ оказывается картиною непрерывныхъ перемѣнъ, постояннаго внутренняго броженія?

Сознаніе необходимости начать разработку исторіи раскола вновь, не ограничиваясь уже существующими сочиненіями, по широкой программѣ первоисточниковъ, и начать *ab ovo*, съ возникновенія раскола и перваго времени его существованія, — сказалось около двадцати лѣтъ тому назадъ. Въ 1875 году Московское Братство св. Петра митрополита, то самое Братство, которое было основано съ главною цѣлью выясненія вопроса о расколѣ путемъ литературнымъ, предприняло изданіе сочиненій первыхъ расколуучителей и другихъ памятниковъ первоначальной исторіи раскола. Предпріятіе съ глубокимъ сочувствіемъ привѣтствовали въ свое время какъ люди серьезнѣйшаго научнаго расколовѣдѣнія, такъ и представители многолѣтней миссіонерской практики. Я могу назвать въ данномъ случаѣ такихъ глубокихъ знатоковъ раскола и всего дѣла о немъ, каковыми были покойные И. О. Нильскій и о. архимандритъ Павелъ (Прусскій). Они вѣрили, что выясненіе вѣковаго вопроса о расколѣ при этихъ новыхъ условіяхъ получить лучшее направленіе и исходъ, чѣмъ это было до толѣ. Теперь изданіе Братства св. Петра, исполненное трудами нынѣ здравствующаго глубокаго расколовѣда Н. И. Субботина, закончено, и мы, дѣйствительно, видимъ, что по отношенію къ современной задачѣ науки о расколѣ оно, особенно если дополнить его другими трудами въ томъ же родѣ, — открыло возможность новой эпохи въ литературѣ расколовѣдѣнія. Въ этомъ случаѣ историку предстоитъ обслѣдовать два вопроса изъ начальной исторіи раскола: одинъ касается причинъ происхожденія раскола, другой — осповъ его внутренней жизни. Въ настоящій разъ я взялъ этотъ второй: въ практическомъ отношеніи онъ имѣетъ важность собственно для цѣлей полемики съ расколомъ, но косвеннымъ образомъ

можетъ служить и выясненію вопроса о его сущности и характерѣ, какъ извѣстно, крайне запутаннаго въ нашей литературѣ.

Своему изслѣдованію я далъ такое заглавіе: «Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ»... Расколъ представляетъ собою не только живую общину, но, какъ извѣстно, и отвлеченную доктрину. Вслѣдствіе этого жизнь раскола должна идти рука объ руку съ его доктриной. Если отдѣленіе отъ церкви послѣдовало во имя извѣстной идеи, извѣстнаго убѣжденія послѣдователей раскола, то эта идея, это убѣжденіе должны быть проведены ими въ жизнь. Извѣстно, что расколъ вчинилъ свой протестъ подъ знаменемъ защиты церкви: вслѣдствіе этого онъ долженъ на дѣлѣ показать, что его послѣдователи не остались внѣ церкви. Протестъ этотъ выросъ на почвѣ извѣстныхъ эсхатологическихъ чаяній: отсюда для раскола вытекаетъ необходимость положить этотъ взглядъ въ основу всѣхъ своихъ отношеній къ православному обществу. Внѣшнимъ признакомъ отдѣлившихся отъ церкви служили старопечатныя богослужебныя книги и такъ называемые старые обряды: поэтому расколъ долженъ не только неизмѣнно слѣдовать ученію этихъ книгъ, но и считаться съ вопросомъ о неприкосновенности названныхъ обрядовъ. Теперь представимъ себѣ соотвѣтствующіе случаи положенія раскола. Прежде всего, вѣдь доктрина могла оказаться не отвѣчающею ученію старопечатныхъ книгъ, не смотря на то, что составляетъ краеугольный камень, послѣднее основаніе даже для самаго существованія раскола. Потомъ, паличное положеніе раскольнической *общины* могло оказаться не отвѣчающимъ тому идеалу ея устройства, который былъ провозглашенъ самимъ же расколомъ и при томъ дѣйствительно въ полномъ согласіи съ ученіемъ старопечатныхъ книгъ. Далѣе, если бы оказалось, что послѣдовательное проведеніе доктрины въ жизнь не возможно, между прочимъ, потому, что послѣдователямъ раскола приходится жить въ православномъ государствѣ и въ средѣ православнаго общества, то расколъ неизбежно долженъ бы былъ пойти на уступки въ пользу жизненныхъ условій, и въ тоже время—выдѣлить протестъ противъ такихъ уступокъ. Наконецъ, и для разрушенія взгляда раскола на неприкосновенность такъ называемыхъ старыхъ обрядовъ, на единство ихъ формы и смысла, требовалось только время, въ которое можно бы было ближе ознакомиться съ церковною

старинною. Ясное дѣло, что для раскола, какъ общины, слѣдующей извѣстной доктринѣ, существуютъ особыя затрудненія, съ которыми онъ долженъ считаться въ своей жизни. Это и суть его внутренніе вопросы. Именно—вопросы, вѣчные и неразрѣшимые. Они вытекаютъ изъ самой его сущности, изъ самой природы раскола, и потому всегда одинаково для него неизбежны. Они составляютъ результатъ внутренней несостоятельности раскола, то теоретической, то практической, и потому не разрѣшимы для него. Они всегда касаются внутренняго устройства раскольнической общины, и потому предполагаютъ только кровнаго врага, а не внѣшняго: это домашнее дѣло раскола.

Но если внутренніе вопросы составляютъ для раскола, такъ сказать, главный жизненный нервъ, то взглянуть на расколъ съ этой стороны, очевидно, весьма важно.

И прежде всего, не разрѣшается ли здѣсь самый основной вопросъ—о сущности и характерѣ раскола: церковное это явленіе, или гражданское—политическое, социальное, экономическое? Разрѣшается, — если не прямо, то путемъ косвеннымъ. Дѣло въ томъ, что въ числѣ прочихъ вопросовъ внутренней жизни раскола мы находимъ и вопросъ объ отношеніи его послѣдователей къ существующему государственному и общественному строю. Видя, что расколъ смотритъ на современные порядки жизни государственной и общественной, какъ на зло, что вслѣдствіе этого, онъ чуждается этихъ порядковъ въ понятіяхъ и сторонится на практикѣ, — можно, пожалуй, подумать, что религіозные принципы, преслѣдуемые раскольниками, ихъ вѣковые богословскіе споры, это — или только личина, которою расколъ злонамѣренно прикрываетъ совершенно другія цѣли, имѣющія отношеніе только къ гражданской жизни, или, быть можетъ, даже научная форма, въ которую «гражданскій протестъ» отлился просто для большаго успѣха. На этомъ вѣдь и основывался покойный Щаповъ, основываются и всѣ его продолжатели. Но если мы перемѣнимъ точку зрѣнія и изъ области отношеній раскола къ внѣшнему противнику перейдемъ въ область его внутренней жизни, то легко убѣдимся, что такое заключеніе безусловно ошибочно. И въ самомъ дѣлѣ, о чемъ, въ данномъ случаѣ, спорятъ раскольники между собою? За что порицаютъ другъ друга? Они озабочены не тѣмъ, чтобы перемѣнить существующій государственный и общественный строй на *иной*: такого рода

торжества своихъ общинъ раскольники не ожидаютъ. Ихъ беспокоить только одинъ вопросъ: какимъ путемъ послѣдователямъ раскола сохранить «древнее благочестіе», когда нужда заставляетъ жить среди «отступниковъ» отъ этого «благочестія»? Одни, въ силу доктрины раскола, требуютъ полного разрыва съ православнымъ обществомъ, другіе, въ виду жизненной невозможности такого разрыва, идутъ на уступки въ пользу общенія. Возникаетъ, такимъ образомъ, внутренняя борьба. Возмите же самый крайній выходъ изъ этой борьбы въ сторону послѣдовательности доктрины. Его представляетъ современное намъ бѣгунство. Бѣгунъ — самый отчаянный врагъ нашего государственнаго и общественнаго строя: онъ отвергаетъ запись въ ревизию, платежъ податей, военную службу, суды, паспорта, присягу, не признаетъ даже верховной власти. Но присмотритесь ближе къ требованіямъ бѣгунства: по отношенію къ другимъ раскольникамъ оно ограничивается *перекрещиваніемъ*, по отношенію къ своимъ послѣдователямъ предъявленіемъ *бтганія* по лѣсамъ и пустынямъ, которое въ большинствѣ случаевъ выполняется, однако же, только на словахъ... Такимъ образомъ здѣсь мы извлекаемъ *безспорное* доказательство: самую *свою жизнь* расколъ показываетъ, что въ его планы не входитъ и не можетъ входить другого вопроса, кромѣ построеннаго исключительно на почвѣ не отъ міра сего...

Посмотрѣть на расколъ съ этой же стороны важно, затѣмъ, и для самихъ его послѣдователей, ибо это значитъ для нихъ ни больше, ни меньше, какъ стать предъ *безпристрастнымъ* судомъ своей собственной исторіи. Вѣдь какъ бы кто ни понималъ сущность раскола, какія бы тенденціи ему не навязывалъ, но сами раскольники всегда и неизмѣнно придавали своему «дѣлу» *одинъ* смыслъ: расколъ выпелъ изъ нѣдръ церкви и прямой противникъ его — только церковь. Что же мы видимъ здѣсь? Мы ясно видимъ, что доктрина, во имя которой раскольники отдѣлились отъ церкви и на почвѣ которой держатся доселѣ, падаетъ подъ ударами самаго же раскола. По памятникамъ полемики между поповщиною и безпоповщиною и по фактамъ взаимныхъ споровъ и раздѣленій въ частныхъ толкахъ той и другой половины раскола мы слѣдимъ, что тутъ расколъ самъ защищаетъ, по частямъ, ту истину, которую въ борьбѣ съ церковію опровергаетъ, и наоборотъ, по частямъ же, опровергаетъ то, что въ этой послѣд-

ней борьбѣ защищаетъ. Поэтому справедливо говорить, что внутренняя полемика въ расколѣ убиваетъ его, и мы дѣйствительно, знаемъ примѣры, когда безпристрастное изслѣдованіе даже одного изъ внутреннихъ вопросовъ приводило раскольника къ соединенію съ церковью.

Но изученіе вопросовъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, полезно и для насъ самихъ, если мы хотимъ умѣло вести борьбу съ расколомъ. Ибо здѣсь мы найдемъ указаніе не только того, какіе предметы въ разсужденіи съ раскольниками суть наиболѣе важныя, но и того, какую слѣдуетъ дать имъ постановку. Достаточно, кажется, вспомнить только, что покойный о. архимандритъ Павелъ, полемистъ искуснѣйшій и собесѣдникъ какихъ еще не было, первоначально воспитался именно на памятникахъ внутренней полемики въ расколѣ. А чтобы представить дѣлю нагляднѣе, укажу одинъ частный примѣръ. Полемисты противъ раскола, въ томъ числѣ и ученые, въ своихъ обличеніяхъ безпоповщины, долго не умѣли поставить *нужной* стороной вопросъ о безпоповщинскомъ перекрещиваніи, и только въ докторской диссертациі Н. И. Ивановскаго вопросъ этотъ, дѣйствительно, былъ вполне уясненъ. А между тѣмъ въ полемикѣ *поповцевъ* противъ безпоповцевъ онъ давно уже стоялъ на своемъ мѣстѣ, и еще въ XVII вѣкѣ противники перекрещиванія понимали его ясно и ставили прямо.

Имѣя все это въ виду, я вполне понимаю, почему Казанскій миссіонерскій съѣздъ прошлаго года выразилъ желаніе, чтобы при изученіи раскола въ семинаріяхъ, гдѣ подготовляются будущіе пастыри-миссіонеры, «обращать главное вниманіе на внутреннюю его жизнь и генетическую связь раскольническихъ толковъ между собою».

Вотъ *общее* значеніе того рода изслѣдованій, образецъ котораго я имѣю честь нынѣ предложить вашему благосклонному вниманію. Идемъ, теперь, далѣе.

Взявъ исторію раскола *XVII вѣка*, я вполне сознавалъ, что моя задача гораздо сложнѣе, чѣмъ задача изслѣдователя исторіи раскола дальнѣйшаго періода. Если сравнить расколъ съ такимъ произведеніемъ природы, какъ дерево, то свою мысль я могу выразить такъ. Изслѣдователь внутреннихъ вопросовъ въ расколѣ *дальнѣйшаго* періода будетъ имѣть дѣло только съ наружною частью дерева: съ его вѣтвями и листьями. Я, какъ взявшійся за *начальную* исторію раскола, дол-

жень былъ прежде всего обнаружить самыя корни дерева, и даже больше: изучить и ту почву, на которой это дерево зародилось и выросло. При этомъ предо мною возникали цѣлыя группы въ высшей степени интересныхъ вопросовъ, какъ въ историческомъ отношеніи, такъ и въ современномъ. Кто, на примѣръ, не слыхалъ о вѣрованіи безпоповцевъ, что нынѣ царствуетъ въ мірѣ антихристъ. Кто не знаетъ, что на этомъ вѣрованіи зиждется весь строй жизни пѣсколькихъ милліоновъ русскаго по происхожденію народа, членовъ нашего отечества,—тотъ строй, коимъ затрогиваются порядки нашей государственной, общественной и домашней жизни. А какъ зародилось это ученіе? Въ какомъ видѣ оно впервые появилось? Какое впечатлѣніе оно производило на первыхъ послѣдователей раскола?.. Или, сколько разъ намъ приходилось читать извѣстія о повторяющихся изъ года въ годъ случаяхъ самоистребленія въ расколѣ. Какую, на примѣръ, потрясающую драму представляетъ недавнее тираспольское замурованіе. Вотъ, спорять о томъ, къ *какому* раскольническому толку принадлежали эти несчастные самопогребатели, или же: предлагаютъ объясненіе явленія согласно *современнымъ* наблюденіямъ психіатріи. А не интересно ли, въ такомъ случаѣ, посмотреть это, продолжающееся донинѣ, явленіе въ самомъ его началѣ? и не научнѣе ли—обратиться за разъясненіями явленія, по крайней мѣрѣ прежде всего, къ свидѣтельству исторіи?.. Точно такимъ же путемъ я шелъ и при изложеніи другихъ вопросовъ,—прежде всего вызванныхъ положеніемъ раскола въ государствѣ, потомъ—положеніемъ его внѣ церкви. Обслѣдуя фактическую сторону, я не долженъ былъ упускать изъ вида и идейную. Мнѣ важно было, на примѣръ, не только указать факты, свидѣтельствующіе о безпоповщинской, или поповщинской практикѣ, но и разъяснить происхожденіе той и другой отрасли раскола съ точки зрѣнія принципиальной. Изъ частныхъ вопросовъ съ этой стороны особый интересъ представляли тѣ, которые имѣютъ значеніе даже для законодательства о расколѣ. Таковы вопросы о бракѣ и о молитвѣ за царя: извѣстно, что со времени императора Николая I отвергающіе бракъ и молитву за царя раскольники причисляются къ группѣ вреднѣйшихъ толковъ. Въ общемъ, въ обѣихъ группахъ вопросовъ я нашелъ подтвержденіе изреченія, что «нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ». Сверхъ ожиданія, въ XVII вѣкѣ я

обнаружилъ не только черты такъ называемаго «нѣтовскаго» ученія, которое составляетъ самый крайній, но послѣдовательный, выводъ изъ началъ жизни раскола въѣ церкви, — по и примѣры жизни современнаго намъ «бѣгунства», съ идейной подкладкой, что составляетъ опять самый крайній и вполнѣ послѣдовательный выводъ изъ началъ раскола по отношенію къ государству. А затѣмъ — я уже не буду говорить, что и споры въ расколѣ по обрядовымъ вопросамъ, потомъ споры догматическіе, наконецъ столкновенія раскола съ сектантствомъ, — все это важныя событія исторіи раскола, имѣющія даже современный интересъ, хотя уже и не все изъ этого входитъ въ центральную группу его «внутреннихъ вопросовъ».

Но удовлетворяя однимъ цѣлямъ и задачамъ своего изслѣдованія, я въ то же время не могъ забывать и другихъ. Я долженъ былъ идти навстрѣчу еще тѣмъ требованіямъ, какія предъявляетъ къ исторіи раскола литература у самихъ *раскольниковъ*. Я хорошо понимаю, почему раскольническіе историки всемѣрно стараются изобразить XVII вѣкъ «золотымъ временемъ» жизни раскола, утверждая, что тогда будто бы *все* раскольники находились во взаимномъ мирѣ и согласіи, ибо безраздѣльно содержали одно и то же ученіе. Я понимаю эту тенденцію потому, что вѣдь то было *авторитетное* для раскола время его первоучителей и знаменитыхъ вождей. Въ борьбѣ съ тѣмъ врагомъ, который вышелъ изъ нѣдръ самого раскола и составляетъ плоть отъ плоти его, т. е. въ борьбѣ наиболѣе опасной, расколъ долженъ искать себѣ защиты не гдѣ либо, а именно въ этомъ авторитетѣ. Отсюда, поповщина ищетъ въ первоначальной исторіи раскола *свой* образъ, беспоповщина, конечно, также *свой*, каждый толкъ беспоповщинскій и каждый поповщинскій, все порознь, но все съ одинаковою увѣренностію, стремятся именно *здесь* открыть черты своего ученія и подтвержденіе своимъ взглядамъ. Но отвѣчаютъ ли эти претензіи исторической дѣйствительности? Ясное дѣло, что исторія раскола должна имѣть въ виду и этотъ вопросъ... Ошибаются, — оказывается, — раскольническіе толки не столько въ томъ, что каждый изъ нихъ, хочетъ найти *свой* зародышъ въ ранпѣйшей исторіи раскола, а въ томъ собственно, что каждый изъ нихъ отвергаетъ возможность такой же «древности» своего

противника. Возможность появленія всѣхъ толковъ, какія когда либо существовали въ расколѣ, родилась вмѣстѣ съ именемъ раскола, — пусть и не всѣ они сразу обнаружались, — но нѣтъ и не было такого толка, который могъ бы ссылаться на *всѣхъ* первыхъ расколуучителей и безъ различія.

Таковы ближайшіе выводы моихъ розысканій, — такъ сказать, прямые, непосредственные. Что же касается выводовъ *косвенныхъ*, то и они имѣли для меня не меньшіе интересъ и значеніе

Провѣряю, прежде всего, взглядъ на расколъ, какъ явленіе гражданское. Гдѣ рельефнѣе могла отобразиться *сущность* раскола, какъ не въ *основахъ* его внутренней жизни? И вотъ, я долго, такъ сказать, допрашивалъ памятники. Но... ни одного слова противъ строя государственнаго, ни одного намека на порядки соціальные, ни одного вздоха о тяжести экономической. Если расколъ пришелъ къ мысли о необходимости «таитися» и «бѣгати», и чрезъ то сталъ въ столкновеніе съ *гражданскими* повинностями, — такъ какъ «бѣганіе» вело къ уклоненію отъ исполненія ихъ, — то на этомъ образѣ жизни расколъ остановился лишь потому, что искалъ средства соблюсти *благочестіе*... Или вотъ: смотря на расколъ какъ явленіе *церковное*, изслѣдователи не всѣ одинаково различаютъ между историческими условіями зарожденія раскола по степени ихъ *важности*. Ставлю вопросъ относительно провѣрки этого обстоятельства, и, слѣдя по памятникамъ, нахожу, что на складъ внутренней жизни раскола громаднѣйшее вліяніе имѣлъ особый взглядъ раскольниковъ на переживаемое ими время. А вѣдь рѣчь идетъ о самыхъ первыхъ годахъ существованія раскола: связать начало съ продолженіемъ здѣсь, значить, тѣмъ болѣе важно. Во имя чего началось движеніе, подъ знаменемъ, конечно, тогоже оно и продолжалось, такъ что если первый моментъ, т. е. моментъ раздорническаго движенія, приведшаго къ расколу, сразу можетъ указать, чего надо искать во второмъ, т. е. когда расколъ уже началъ жить своею *обособленною* жизнью, то и наоборотъ — вторымъ можно провѣрять первый. И это — не будетъ обманчивымъ кругомъ, потому что условія, при которыхъ произошло двукратное обнаруженіе явленія, были *не одинаковы*. Прихожу, такимъ образомъ, къ выводу, что въ ряду историческихъ условій возникновенія раскола имѣли

мѣсто *эсхатологическія чаянія*, существовавшія на Руси въ половинѣ XVII вѣка, и что, значить, ошибаются тѣ изслѣдователи, которые болѣе или менѣе игнорируютъ это условіе.

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность моимъ высокочтимымъ оппонентамъ: профессорамъ протоіерею Павлу Феодоровичу Николаевскому и Платону Николаевичу Жуковичу, за ихъ сочувствіе, совѣты и указанія.

П. Смирновъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки